

Они словно призраки преследовали их, и даже в лесу не было покоя. Цянь Хаои и Бай Юэцзэ впервые почувствовали головную боль из-за настойчивости и упорства своих солдат. Цянь Хаои размышлял, стоит ли воспользоваться положением главнокомандующего, чтобы отвадить этих шумных новобранцев из армии Лян, но Бай Юэцзэ, дёрнув его за рукав, бросил многозначительный взгляд в сторону леса. Ну что ж, сегодня ночью в лагере нет различий в званиях — перед чашей вина все равны. Цянь Хаои с сожалением взял Бай Юэцзэ за руку, и они, крадучись, продолжили углубляться в лес.

Пройдя согнувшись некоторое время, они наконец оказались в тишине. Постепенно выпрямившись, Бай Юэцзэ, увидев, что Цянь Хаои весь покрыт сухими листьями, засмеялся, забыв о дискомфорте в животе, и чуть не упал от смеха.

Чтобы избежать тех, кто хотел их напоить, им приходилось пробираться в тихие безлюдные места. Цянь Хаои, заботясь о самочувствии Бай Юэцзэ, всё время шёл впереди, прокладывая путь. Осенние листья сыпались с деревьев, и к концу пути воротник его плаща и волосы были покрыты гнилыми ветками и сухими листьями, делая его вид весьма жалким.

— Не думал, что князь Цинь когда-нибудь окажется в таком положении... Если новобранцы увидят тебя таким, твой авторитет будет подорван. Как ты потом будешь отдавать приказы?.. — Бай Юэцзэ не мог остановить смех.

— Радуюсь моему несчастью... А для кого я так старался? — Цянь Хаои с досадой щёлкнул Бай Юэцзэ по лбу.

Тот, почувствовав боль, перестал смеяться.

Бай Юэцзэ потер лоб, посмотрел на человека перед собой, и его глаза внезапно потемнели. Он молча смотрел на Цянь Хаои. Тот, не успев осознать происходящее, понял, что они стоят слишком близко — он даже чувствовал его дыхание. Цянь Хаои не ожидал, что Бай Юэцзэ так внезапно изменится, и на мгновение растерялся.

— Для кого? Неужели для того, кто «не стоит и одной десятитысячной Цзыюэ»... — Голос Бай Юэцзэ был низким и медленным, полным опасности и искушения, проникая прямо в сердце Цянь Хаои.

Сказав это, Бай Юэцзэ сделал шаг вперёд, почти прижавшись к Цянь Хаои. Тот, очнувшись, отшатнулся назад. Бай Юэцзэ, видя это, лишь усмехнулся, но в его глазах мелькнула едва заметная тень разочарования.

Дыхание Цянь Хаои стало неровным. Он с трудом сглотнул. В его голове роились мысли, которые он никак не мог выразить.

Перед свадьбой Цянь Хаои поклялся на могиле Бай Цзыюэ: его чувства никогда не изменятся, и, отомстив, он вернётся к тому, кто лежит в холодном каменном гробу. Но прошло всего три месяца, и этот новый супруг четвёртого принца полностью выбил его из колеи. Хотя Цянь Хаои постоянно напоминал себе, что Бай Ицзэ — лишь инструмент дипломатических отношений между У и Лян, пешка, которую правитель Лян использовал, чтобы вернуть его внимание к государственным делам, тот приносил ему одно неожиданное событие за другим.

Цянь Хаои был поражён, но в его сердце зародилось беспокойство. Он интуитивно чувствовал, что Бай Ицзэ не так прост, как кажется. Его мастерство поразило солдат западного лагеря Лян, а его мысли и хитрость были настолько глубоки, что их невозможно было понять. Каждый шаг после прибытия в Лян казался случайным, но всё шло так, будто он всё контролировал.

Если это было лишь плодом его воображения, то почему Бай Ицзэ был так похож на Цзыюэ, касаясь самых уязвимых мест его сердца? Разве такое возможно? Если всё это было спланировано, и Бай Ицзэ заранее изучил его, чтобы приблизиться с определённой целью, то насколько ужасной и пугающей была бы вся эта ситуация?.. Но всё это были лишь догадки Циянь Хаои, и, конечно, он надеялся, что это так и есть. Однако, судя по имеющейся информации, у него не было достаточно доказательств, чтобы подтвердить злые намерения Бай Юэцзэ, как и отсутствие таковых.

Циянь Хаои страдал от внутренней борьбы. В этот напряжённый период, когда в государстве вот-вот начнутся перемены, разум говорил ему держаться подальше от этого человека, но в его сердце была часть, которая жаждала видеть его. Мысль о том, как тот, с закрытыми глазами, лежал в его объятиях той ночью, вызывала в нём невыносимую боль... Зная, что должен оставаться равнодушным, он постоянно думал о нём. Зная, что должен держать дистанцию, он желал видеть его каждый день. Циянь Хаои был разочарован в себе.

Подумав, он глубоко вздохнул и наконец заговорил:

— Ицзэ, хоть я и женился на тебе против своей воли, ты всё же племянник Цзыюэ. Теперь ты в Лян один, и я обязан... позаботиться о тебе вместо Цзыюэ... Ты... не думай лишнего...

Бай Юэцзэ удивился, явно не ожидая таких слов после ночи бегства. Через некоторое время он усмехнулся:

— Князь Цинь действительно верен своим чувствам. Может, мне стоит попросить вас передать моему покойному дяде Цзыюэ, что мне, Бай Юэцзэ, невероятно повезло — я унаследовал его удачу, раз вы так обо мне заботитесь...

Циянь Хаои был ошеломлён, не зная, что ответить. Разве можно сказать: «Не стоит благодарности, я рад заботиться, и не только сейчас, но и всю жизнь»... Стоп! Он чуть не прикусил язык.

— Спасибо за сегодняшний вечер! И за кислые финики и ужин в прошлые дни! У князя Цинь, конечно, всё есть, и мне не нужно возвращать долг. Если в будущем будут ещё подарки, надеюсь, вы вспомните обо мне! — Сказав это, Бай Юэцзэ выполнил традиционный поклон Лян и ушёл.

Циянь Хаои остался стоять на месте, чувствуя себя беспомощным. Ни вперёд, ни назад — всё, что связано с этим человеком, было неправильным. То разум не позволял, то сердце сжималось от невыносимой боли. Что это было? Неужели этот человек пришёл, чтобы взыскать долг? Четвёртый принц Лян, обычно расчётливый, был на грани безумия.

В ту ночь Бай Юэцзэ не отказывался от вина, которое ему подносили солдаты, и в итоге его всю ночь рвало. Хэлу и другие, переглядываясь, были вынуждены провести всю ночь, ухаживая за ним.

На следующий день все новобранцы отдыхали. Большинство из них, напившись накануне, проснулись только к полудню. Бай Юэцзэ, хоть и почти не спал, встал рано, несмотря на жуткую головную боль и слабость. Увидев на столе в своей палатке кислое овечье молоко и отвар от похмелья, он усмехнулся, не притронувшись к еде. Одев доспехи помощника генерала, он вышел из палатки.

Согласно традициям лагеря новобранцев Лян, новоназначенные командиры приступают к обязанностям на следующий день. Поэтому, несмотря на выходной, Бай Юэцзэ должен был

заступить на службу. Первым делом ему нужно было явиться в главный шатёр западной армии Лян для доклада командиру.

Солнце уже высоко поднялось. Бай Юэцзэ, подойдя к шатру, поправил доспехи и меч, готовясь войти, но два охранника преградили ему путь.

Бай Юэцзэ недоумевал: он прибыл по уставу, время было подходящее — почему его не пускают?

Прислушавшись, он понял причину. Наложница князя Цинь, узнав, что сегодня у новобранцев выходной, попросила своего брата Сяо Э срочно доставить в лагерь сменную одежду для князя. Это было личное дело князя, и «посторонним» вход был запрещён.

Бай Юэцзэ стоял у входа в главный шатёр, глядя на занавес с задумчивым выражением лица.

Примерно через четверть часа Сяо Э вышел из шатра и, увидев Бай Юэцзэ, замер, едва не споткнувшись на пороге.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/17679/1648069>